

том 1722 г., больного Стефана на дому допрашивали Сенат и формально подчиненный ему Синод по делу еретика Левина, утверждавшего, что Петр — антихрист. Стефану грозило лишение сана, может быть, и казнь. Его заместитель и непримиримый враг Феофан Прокопович, типичный петровский делец, нувориш и эпикуреец, талантливый, энергичный, неразборчивый в средствах, едва уцелел при Петре II. Ему грозила судьба Меншикова, и только помощь Анне Иоанновне против «верховников» снова дала в руки власть.

Невзгоды, выпавшие на долю тогдашнего писательского круга, требуют некоторых пояснений. Это был и круг придворных — либо царских, либо патриарших. Симеон Полоцкий исправлял должность учителя детей Алексея Михайловича. После смерти Симеона Медведев сохранял расположение Федора Алексеевича и Софьи. Карион также пользовался милостями последней, при патриархах Иоакиме и Адриане был чем-то вроде секретаря, писал буквари для царевича Алексея. Стефан Яворский, посвященный в 1700 г. в сан митрополита рязанского и муромского, вскоре стал местоблюстителем патриаршего престола и президентом Синода. Св. Дмитрий занимал ростовскую митрополичью кафедру, Иов — новгородскую; Федор Полкарпов сумел снискать приязнь Петра, а Феофан Прокопович был его любимцем.

Впрочем, близость к власти, как правило, объяснялась не стремлением сделать придворную карьеру. Современники этого понять не могли и, наблюдая «сикилийский огонь» спора о пресуществлении святых даров, в котором столкнулись Иоаким и западник Медведев, решили, что последний ищет патриаршего престола. Между тем вопрос о внелитературной деятельности Медведев решал так же, как его учитель Симеон Полоцкий, как Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский, как Карион Истомир. Хотя Симеон Полоцкий не только принимал гонорары — царские пожалования за писанные по случаю тезоименитств, двенадцатых праздников и т. п. «приветства», но и не стеснялся напоминать о неуплате Алексею Михайловичу, впрочем всегда щедрому к своему любимцу, хотя деньги за то же охотно брали и Сильвестр, и Карион, — все-таки в ту пору никто и не помышлял, что можно прожить на этот нерегулярный и неопределенный заработок.

Все профессионалы, о которых идет речь, вышли из низов. Ни вотчин, ни поместий у них не было. Сильвестр начал службу в приказе Тайных дел — личной канцелярии царя, ведавшей, помимо Думы, секретной его перепиской. Медведева и поместили в Заиконоспасскую школу для усовершенствования в языках — без них трудно было вести «тайные дела». Подьячие приказа направлялись в качестве «царского ока» в походы и посольства. По свидетельству Григория Котошихина, послы и воеводы всячески перед ними заискивали. Какую карьеру мог сделать подьячий приказа, видно на примере Ф. А. Шакловитого. Не говорю о 1689 г. — ни сам Ф. А. Шакловитый, ни кто-либо другой такого конца после блистательного взлета не мог предвидеть. Конечно, Ф. А. Шакловитый — исключение, однако начало служебного пути Медведева сулило если не спокойное, то безбедное существование. Уже после учебы в Заиконоспасском монастыре Сильвестр успешно продолжал службу. Он, в частности, стажировался при А. Л. Ордине-Нащокине при заключении Андрусовского мира. Тем не менее он предпочел монашество. Монахами были Симеон, Карион, Хоников, Яворский, св. Дмитрий, Иов, Феофан Прокопович. Но они с этого, так сказать, начали, поэтому нам нелегко в каждом случае установить причины ухода от мира. А Сильвестр долго колебался, прежде чем надеть клобук.